

После своего глупого признания во время последней встречи Кацуки был полностью уверен, что Огава никогда больше с ним не заговорит. Это просто имело смысл, поскольку общение с кем-то вроде него только утатило бы других вниз, когда они пытались быть лучше. Понятно, что Кацуки немного разозлился, когда этот чертов идиот помахал ему рукой с широкой ухмылкой на лице, как только он вошел в дверь.

Он бросился к Огаве, который сидел рядом с Маки и Акико, как и в предыдущие несколько раз, и едва удержался от привычки хватать его за рубашку, чтобы запугать. Вместо этого он уставился на него сверху вниз: “Какого хрена ты делаешь? После прошлого раза я думал, будет совершенно ясно, что я просто утащу тебя вниз. Иди, найди кого-нибудь другого, чтобы побеспокоить, ты, чертов придурок.”

Огава просто рассмеялся и встал, обняв Кацуки за плечи: “Чувак, у тебя, должно быть, перепутались какие-то провода или что-то в этом роде, Бакуго, потому что это было совсем непонятно. Возможно, тебе нужно поработать над своими коммуникативными навыками.”

“Что случилось в прошлый раз?” Спросила Акико, отправляя в рот кусочек жевательной резинки.

Огава загадочно улыбнулся: “Мы разгадали тайну!”

“О, я обожаю тайны”. Маки нетерпеливо наклонился вперед на своем сиденье, что было немного пугающим из-за его размера. “Так какую тайну ты разгадал?”

“Не твое собачье дело”. Кацуки сбросил с себя руку Огавы: “А теперь оставьте меня в покое, вы, тупые статисты!”

Он начал удаляться, но остановился как вкопанный, услышав голос Огавы позади себя: “Мы выяснили, почему Кацуки вызвался быть здесь”.

Кацуки замер. Он не знал, чего ожидал. Да, не то чтобы он просил Огаву держать это в секрете, но он думал, что это подразумевалось. Не то чтобы он на самом деле еще что-то сказал, но, вероятно, скажет. Как отреагировали бы двое других? Что бы подумала Усилитель, если бы она услышала? Что, если бы она рассказала ЮЭЙ? Что, если его собственный идиотизм разрушил все его шансы стать лучшим героем? Катсуки следовало держать свой глупый рот на замке.

“Из-за чего ты так переживаешь, Бакуго?” Акико рассмеялась. “Мы уже поняли, что ты сделал что-то сомнительное, так какая разница, знает ли Огава, что это было?”

Бакуго развернулся и сердито посмотрел на нее: “Заткнись! Ты ни хрена не знаешь!”

“Эй, успокойся, чувак!” Огава положил руку ему на плечо: “Я не собираюсь им ничего рассказывать, если ты этого не хочешь. Но я действительно думаю, что ты должен им рассказать. Это поможет.”

Маки кивнул: “Поверь мне, когда люди на твоей стороне, это может иметь решающее значение в бою”.

“Да, и сохранение секретов не принесет тебе никакой пользы”. Добавила Акико. “Если ты пойдешь на ограбление с неполной информацией, из-за тебя просто погибнут люди. Если тебе нужна наша помощь, ты должен быть честен.”

“Я не просил твоей помощи!” Кацуки согнул руки, как для самоутверждения, так и для устрашения. Только слабые люди нуждались в помощи, а Кацуки не мог быть слабым, если хотел стать героем. Он должен был сделать это в одиночку, даже если это было невозможно.

Огава сжал руку на его плече: “Возможно, ты и не просил нас о помощи, но даже ты можешь признать, что это все делается легче. Это группа реабилитации, называется не просто так. Никто не должен проходить через это в одиночку”.

Катсуки нахмурился. Возможно, Огава был прав, но он все равно не заслуживал их помощи. Именно им нужно было стереть записи об их арестах, и они не могли позволить, чтобы глупый, жестокий школьный хулиган повалил их на землю.

“Все в порядке?” Усиленный голос Усилителя эхом разнесся по залу: “Почти время начинать, так что идите и займите свои места”.

Кацуки сделал движение, чтобы отойти и встать у стены, но Огава схватил его за руку и усадил на стул рядом с собой, затем наклонился и прошептал ему на ухо: “Мы поговорим об этом позже, но просто подумай об этом, хорошо?”

Катсуки усмехнулся и закатил глаза, затем скрестил руки на груди и ссутулился на своем месте, когда Усилитель начал собрание. Он все равно не заслуживал их помощи. Он ничего не мог сказать.

“Сегодня каждый из вас возьмет на себя личное обязательство измениться”. Сказала Усилитель. “Одно дело говорить, что ты собираешься измениться, потому что тебя заставляет правительство, но совсем другое - взять на себя такое обязательство перед самим собой”.

“Да”. прошептала ему Маки. “Настоящие перемены происходят внутри. Никто не собирается заставлять тебя быть кем-то другим”.

“Заткнись”. Кацуки прошипел в ответ. “Мне не нужна твоя дурацкая помощь”.

Усилитель либо не слышала их спора шепотом, либо, что более вероятно, решил проигнорировать его: “Хорошо, Бакуго, ты не мог бы помочь мне раздать кое-какие бумаги?”

Катсуки утвердительно хмыкнул и встал, радуясь возможности уйти от группы злодеев, которые, очевидно, решили усыновить его. Он схватил со стола стопку чистых тетрадных листов, на которые указал Усилитель, и начал раздавать всем по несколько листов, в то время как Усилитель передавал по кругу стаканчики с разными ручками.

Несмотря на то, что он помогал и выполнял волонтерскую работу, для которой технически был там, Катсуки все равно чувствовал себя дерьмово. Он не виноват, что дурацкая бумага напомнила ему о дурацких тетрадах Деку, которые напомнили ему о Деку и всех других дурацких статистах, которым он причинял боль на протяжении многих лет. Еще одна причина не подходить ни к кому здесь слишком близко. Если он не подойдет близко к Огаве и остальным, он не сможет причинить им вреда.

Как только у всех появились бумага и ручка, Усилитель жестом пригласил Катсуки сесть обратно. К сожалению, она указала на то же место рядом с Огавой, с которого он только что встал, так что у него не было никакого предлога удалиться. Он сердито посмотрел на нее, и она одарила его улыбкой. Эта сука определенно знала, что делала. Он фыркнул и тяжело опустил на пол, когда Усилитель вышла в переднюю часть комнаты.

“Хорошо! Итак, это индивидуальное упражнение, но вы можете поговорить между собой, если хотите”. Усилитель ухмыльнулась Огаве, который ухмыльнулся в ответ. “Вы напишете письмо. Оно может быть адресовано самому себе, кому-то важному для тебя или вообще никому, но в этом письме ты пообещаешь стать лучше. Будьте настолько искренни в своих убеждениях, насколько можете. Не давайте никаких обещаний, которые на самом деле не хотите выполнять. Все готовы? Начинайте!”

“Неудивительно, что они всегда нанимают ее для анонсов”. Акико громко щелкнула жвачкой. “Она делает это, даже не пытаясь”.

“Возможно, она просто настолько привыкла быть диктором из-за своей причуды, что говорит так по привычке”. Предположил Огава.

“Ты права”. Акико призналась. “Ах, если бы только мы жили в мире, где нас не подбирали из-за наших причуд”.

“Хороший тост, потом выпьем за него”. Маки рассмеялся. “Итак, малыш, кому ты собираешься написать?”

Катсуки нахмурился: “Кто сказал, что я вообще собираюсь что-то писать?”

“Ты выстрелишь себе в ногу, если не сделаешь этого, чувак”. Указал Огава. “Предполагается, что эти упражнения помогут всем нам стать лучше. Вы не можете просто не выполнять свою работу и при этом ожидать достижения своих целей”.

“Какого хрена вы, статисты, так стремитесь помочь мне?” Катсуки заворчал. “Я нехороший человек”.

“Мы тоже, малыш”. Маки положила огромную руку ему на плечо. “В этом-то и смысл реабилетации”.

“Да, Бакуго, никто из нас не выиграет премию “человека года” или что-то в этом роде”. Акико пожала плечами. “Вот почему мы должны быть рядом друг с другом, верно? У нас должен быть кто-то, кому мы могли бы доверять в этом сумасшедшем, запутанном мире, верно?”

Катсуки нахмурился и уставился на всех троих, но самым раздражающим во всем этом было то, что они казались такими искренними. Как будто они действительно думали, что он мог быть лучше или что-то в этом роде. Но, что ж, возможно, Акико была права. И она, и Огава стали злодеями, потому что важные люди в их жизни подтолкнули их к этому, и Кацуки понял бы, каким ужасным он был раньше, если бы не его глупые учителя и одноклассники, которые всегда говорили ему, что он лучший. Может быть, если бы у него были люди, которые тоже были придурками, пытающимися стать лучше, тогда это было бы не самой плохой вещью в мире, верно?

Он фыркнул и схватил ручку: “Неважно. Так кому ты собираешься писать?”

“Моему бывшему”. Она свирепо ухмыльнулась. “По сути, это будет гигантский трах, понимаешь?”

Катсуки обнаружил, что смеется вместе с остальными: “Да, пошел он нафиг. А как насчет вас, ребята?”

“Я пишу своему отцу”. Сказал Маки. “Он умер пару лет назад, и я не смог увидеть его, пока он был в больнице, потому что я был в тюрьме. То, что я не привела себя в порядок вовремя, чтобы он это увидел, вероятно, одно из моих самых больших сожалений. Очевидно, что письмо ничего не исправит, но оно просто кажется подходящим, понимаешь?”

“Вы, ребята, все выбрали значимых людей”. Огава надулся. “А я здесь просто пишу сам себе”.

Катуски ударил его по голове: “Заткнись. Ты пытаешься быть лучше, потому что это то, чего ты хочешь, верно? Так зачем тебе писать свое дурацкое обязательство кому-то еще? Идиот”.

Огава несколько раз моргнул: “Я не думал об этом с такой точки зрения, чувак. Полагаю, писать самому себе не так глупо, как я думал, а?”

“Конечно, это не так”. Маки мягко улыбнулась. “Это твое убеждение, не так ли?”

“Думаю, да”. Огава рассмеялся. “Так что насчет тебя, Бакуго? Кому ты собираешься написать?”

Кацуки на минуту задумался об этом. Его первой мыслью было написать письмо Всемогущему, но это почему-то показалось неправильным. Да, он хотел быть как Всемогущий, но он был знаменитостью, с которой Кацуки никогда не встречался. Если он собирался написать кому-то еще, это должен был быть кто-то личный, кто-то, для кого он хотел быть лучше, кто-то вроде...

“Деку”.

“Деку?” Акико нахмурилась. “У тебя странные друзья, Бакуго. Что за родители называют своего ребенка бесполезным?”

“Его родители не давали ему этого имени, - Кацуки не мог ни с кем встретиться взглядом, - это сделал я”.

“Я не понимаю”. сказала Маки. “Он твой младший брат или что-то в этом роде?”

“Нет ... тьфу, черт!” - прошипел Катсуки. “Помните, вы, ребята, говорили о том, что будете типажом из-за своих причуд?”

“Да?” Акико странно посмотрела на него. “Какое это имеет отношение к чему-либо?”

Кацуки вздохнул: “Как ты думаешь, какое бы имя выбрали ребенку без причуд?”

Ее глаза расширились, когда она сложила кусочки вместе: “Оуу ...”

“Он был тем ребенком, над которым ты издевался, не так ли?” Мягко спросил Огава.

“Одним из них”. проворчал Катсуки. “Но Деку досталось хуже всех. Мы были друзьями до того, как появились наши причуды, но моя была сильной. Все говорили, что это идеально для героя, и, я думаю, они все старались изо всех сил, чтобы у меня не было неприятностей из-за того дерьма, которое я натворил. Я не знаю, о чем я думал, но предполагалось, что он слабее меня, поэтому по какой-то причине я был убежден, что должен поставить его на место. В итоге он бросил школу из-за этого.”

“Вау”. Маки выдохнула. “Тебя никто никогда не останавливал?”

Кацуки невесело усмехнулся: “С чего бы им это делать? Деку был просто слабаком без причуд. Он не смог принести славу или какой либо чести школе, так почему это должно иметь значение, если такой ребенок получит несколько синяков или ожогов? Честно говоря, моим учителям, вероятно, эти занятия нужны больше, чем вам, ребята.”

“Ты видел его недавно?” Спросила Акико. “С тех пор, как ты начал приходить сюда?”

Кацуки покачал головой: “Я не собираюсь даже пытаться искать его, пока не буду готов извиниться и действительно сделаю это искренне. Все остальное причинило бы ему еще большую боль, и я чувствую, что уже сделал этого достаточно ”.

“Так вот кому ты пишешь!” Огава улыбнулся и хлопнул Кацуки по спине. “Скажи этому парню, что ты собираешься стать лучшим человеком, чтобы однажды ты мог загладить свою вину лично”.

Он пододвинул к себе лист бумаги, и Кацуки взглянул на лица всех, прежде чем начать писать. Выражения их лиц были странными, как будто они гордились им или что-то в этом роде. Должно быть, ему почудилось.

-----  
Дорогой Деку,

Я собираюсь стать лучшим героем! Ты знаешь, что я никогда не позволял небольшой работе помешать мне стать лучшим, так что я не позволю этому помешать мне, хорошо? Я собираюсь стать лучшим человеком, чтобы встать перед тобой и извиниться за все то глупое дерьмо, через которое ты из-за меня прошел. Я буду чертовски усердно работать, потому , я обещал тебе, что стану лучшим героем, и я намерен сдержать это обещание, понял?

Если я действительно серьезно хочу стать лучше, мне, вероятно, следует избавиться от этого дурацкого прозвища, не так ли? Я собираюсь стать лучшим героем....Изуку.

Увидимся, как только смогу,

Качан  
-----

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/93439/3490950>